

ЧЕРСТВОВАСТЬ

Любовь Ивановна подняла глаза и растерянно посмотрела на членов художественного совета. Их лица были непроницаемы. «Театр не благотворительное заведение, чтобы держать актрису, которую я не могу занять в текущем репертуаре», — доносился до нее голос главного режиссера.

Когда Любовь Ивановна вышла из кабинета директора, в ушах у нее все еще звучали резкие, как пощечины, слова характеристики: «ограниченная», «непрофессиональная», «ненужная». Услышать все это, когда тебе пятьдесят лет и тридцать из них отдано театру... Слезы обиды больно сдавливали горло, и Любовь Ивановна потеряла сознание. Когда пришла «скорая помощь» и врачи начали хлопотать вокруг актрисы, дверь кабинета директора по-прежнему плотно была закрыта — там продолжалось заседание художественного совета.

В Саратове театр оперетты, в котором произошла эта история, я не застала: он гастролировал по области.

Любовь Ивановна Портнова, написавшая письмо в редакцию, совсем не была внешне похожа на актрису. Она рассказывала про свою жизнь с грустной улыбкой: как училась в балетной студии, как танцевала в ансамбле, как однажды сломала ногу и с тех пор играет эпизодические роли. «Что поделаешь», — говорила Любовь Ивановна, — кому-то и «кушать подано» надо играть, а то герои останутся без ужина.

Есть такая категория людей, у которых степень ответственности за все, что они делают, очень высока. Так, артисты со снисходительной улыбкой рассказывали мне, как «эта Любовь Ивановна» убивала однажды из больницы, чтобы играть в спектакле, где не было второй исполнительницы ее роли. «Кому нужны эти жертвы?» — удивлялись они. А Любовь Ивановна просто иначе не могла, она отлично понимала, что и она несет ответственность за спектакль. «Я была

счастлива в тот вечер, потому что мне все радовались, потому что я оказалась нужна», — сказала Любовь Ивановна, вспоминая этот случай.

Но так же, как и на сцене, в жизни Любовь Ивановну не замечали. «Как-то в день премьеры купила в киоске открыток по копейке», — рассказывает она, — и пока в театре никого не было, разложила их на гримерные столики — вот, думаю, приятно людям будет. Прихожу перед спектаклем, смотрю, а из моей открыточки свернула солистка кулек и стряхивает туда пепел с сигареты. Ну, что с ними поделаешь...» Так, наверное, о Любове Ивановне никто и не вспомнил бы, если бы волеи обстоятельств она не была поставлена в условия, когда сохранение нейтральной позиции было равносильно предательству.

Два года назад в театре в очередной раз сменилось руководство: на должность главного режиссера был приглашен Яков Михайлович Лившиц. С приходом нового главного часто происходят изменения в коллективе. Нередко то, что культивировалось раньше, — в выборе репертуара, принципах постановки — нечасто отвергается. У главного режиссера почваляются сторонники и противники.

В Саратовском театре оперетты с приходом Лившица коллектив тоже раскололся на две группы. А вскоре из театра уволились все ведущие артисты.

Моя встреча с Яковом Михайловичем началась очень странно. Еще с порога он заявил: «Я знаю, письмо в редакцию — дело рук моей бывшей жены. Она мстит мне. Но ничего у нее не выйдет! Вот доказательства...» (В руках Лившица была пачка бумаг). Я попросил артистов, которые уходили из театра, напи-

сать, что они это делают не из-за меня.

Уже сам факт существования этих объяснительных записок настораживал: человек, уверенный в своих действиях, вряд ли стал бы доказывать правоту путем сбора подписей. Но и содержание этих бумаг, за исключением фразы «Против Лившица ничего не имею», говорило не в пользу главного режиссера: «В театре невыносимая обстановка: интриги, сплетни... Работать в таких условиях невозможно».

Случайно это получилось или нет, но из того, что сочувствовал бывшей жене Лившица, осталась одна Любовь Ивановна Портнова. Нередко сослуживцы — кто шутя, а кто всерьез, — говорили ей: «Ну, что ты дружишь с ней? Ты же видишь, какая участь ждет ее товарищей». Любовь Ивановна только улыбалась: «Моя роль слишком маленькая. Станет ли Лившиц сводить со мной счеты? А вдруг у него в такое время одну оставить?».

И вот однажды театр облетела ошеломляющая весть: Любове Ивановне, актрисе, всю жизнь игравшей эпизоды, доверили главную роль в спектакле, причем с аккомпанирующими номерами, хотя всем было известно, что Портнова никогда не пела.

Наверное, не надо быть тонким психологом, чтобы понять состояние Любове Ивановны. Разумно ли было поручать пожилой актрисе роль, которую в первом составе играет молодая певица? Даже неосведомленному человеку ясно, что такой вариант заранее обречен на неудачу. Неужели Лившиц не понимал этого?

«Я — режиссер, — заявил он, — и имею право назначать любую актрису на любую роль. В любом случае мне нужно было доказать Портновой и коллек-

тиву, на что она способна. Портнова не справилась с ролью, и я предложил выдвинуть ее на перепробование. Художественный совет поддержал меня. Все было сделано согласно новому Положению о формировании творческих составов». Как и в случае с удовлетворением артистами, Лившиц побеспокоился о том, чтобы создать впечатление объективности и беспристрастности. Только если в предыдущий раз этому служили весьма двусмысленного содержания письма, то теперь он использовал вполне официальный документ. «Я не чувствую за собой никакой вины», — сказал Лившиц. — Все обсуждалось на художественном совете».

...После революции я попросила остаться членов художественного совета. Я не пыталась выяснять, нужна или не нужна Любовь Ивановна театру как актриса. Наверное, это действительно виднее режиссеру. Мне только хотелось понять, как эти милые, обязательные люди могли дать человеку, всю жизнь свою отдавшему искусству, такую жестокую характеристику. Я ожидала от товарищей Любове Ивановны по работе чего угодно: сожалений, угрызений совести, но только не воинствующей уверенности в своей правоте. «Да, мы дали Портновой жестокую характеристику, но театр вообще жестокая вещь», — сказал секретарь художественного совета Л. Холодков. «Да что вы возитесь с этой Портновой? — возмутился заведующий труппой В. Бирюков. — Что она такое? Досадный эпизод, не больше». Искусство требует жертв, знает? Сегодня уволили Портнову, завтра еще кого-то. Так устроена наша актерская жизнь», — заключил артист Перлов.

«Театр — жестокая вещь», искусство требует жертв... В полной ли мере правы эти лю-

ди, не прикрывают ли они этими расхожими фразами свою душевную черствость?

Возраст в жизни актера, как известно, имеет очень большое значение. Наступает пора, и ему приходится расставаться со своими ролями. И, наверное, в этом смысле искусство действительно жестоко. Однако как обставить этот процесс — зависит уже от людей. Если Любове Ивановна действительно не отвечала требованиям, которые предъявляет сегодня театр к актеру, то подвести ее к этой мысли надо было более тактично. И, наверное, не малую роль в этом могла бы сыграть партийная организация театра. К сожалению, партбюро, увлеченное борьбой за оздоровление атмосферы в театре, не поправило главного режиссера, не указало ему на недопустимость тех методов, к которым он прибегает во взаимоотношениях с актерами.

Как ни странно, больше внимания и чуткости требуют к себе как раз такие «эпизодические» актеры, как Любовь Ивановна. Как известно, артисты балета уходят на пенсию очень рано. Что происходит с ними дальше? Если это солистка, исполнявшая всю жизнь заглавные партии, то, возможно, она будет преподавать в хореографическом училище, в балетной студии. Ну, а если никакими особыми талантами не выделялась и всегда танцевала только ку воды, то становится помощником режиссера, режиссизмом, а то и кассиршей. Наверное, не надо объяснять, что из них почувствует разрыв с любимой профессией сильнее. И если уж этот процесс неминуем, то окружающие должны сделать все, чтобы он был не таким болезненным. Или уж во всяком случае не усугублять его до такой степени, как это произошло в Саратовском театре оперетты. Люди, творящие искусство, не должны быть бесчувственными, черствыми, равнодушными.

Н. РУСАКОВА,

наш спец. корр.

САРАТОВ.